

СЫР 4-DR 1176

МОСКОВСКИЙ СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

Красный подзрок солдату.

А. БОГДАНОВ.

О СОЦИАЛИЗМЪ.

Безплатно.

№

10

330322 3111

Типография Т-ва И. А. Сытина, Пятницкая, собств. домъ.

МОСКВА. — 1917

— у Transfer
Dept. of State

Товарищи солдаты!

Уже давно рабочіе всего міра празднують 1-го мая свой рабочій праздникъ. Въ этотъ день они сомкну-тыми рядами подъ своими пролетарскими красными знаменами выходятъ на улицы и провозглашаютъ свои основныя боевыя требованія-лозунги: Да здравствуетъ миръ и братство народовъ! Да здравствуетъ интерна-ціональ! Да здравствуетъ 8-ми часовой рабочій день! Да здравствуетъ соціализмъ! Громко раздаются эти лозунги 1-го мая на всѣхъ рабочихъ собраніяхъ. Яр-ко горятъ они на ихъ боевѣхъ знаменахъ. Побѣдно зву-чатъ пролетарскія пѣсни въ день 1-го мая, наводя страхъ на весь буржуазный міръ.

Въ этомъ году рабочіе Россіи за зоевали себѣ воз-можность выступить открыто, всѣмъ народомъ. По призыву Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ праздникъ былъ назначенъ въ день 18 апрѣля. Этотъ день совпадаетъ съ 1-мъ мая во всѣхъ другихъ стра-нахъ. Этимъ еще больше показано было единство и солидарность рабочихъ всѣхъ странъ, ибо въ одинъ и тотъ же день весь міровой пролетаріатъ праздновалъ свой великій радостный праздникъ.

По постановленію Московскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ вся наша работа была перенесена на воскресенье 16-го апрѣля, а заработокъ этого дня былъ отданъ въ распоряженіе Совѣта на „Красный подарокъ солдату“. Въ воскресенье 16-го апрѣля наши мысли и чувства были съ Вами, товарищи-солдаты, мы съ радостнымъ чувствомъ шлемъ Вамъ нашъ братскій привѣтъ и нашъ „Красный подарокъ“. Мы вѣримъ, что недолго еще терпѣть Вамъ лишенія въ казармахъ и окопахъ и скоро засіяетъ надъ нами солнце всеобщаго мира.

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ МИРЪ И БРАТСТВО НАРОДОВЪ!
ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ ИНТЕРНАЦІОНАЛЫ!
ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ СОЦІАЛИЗМЪ!

О социализмѣ.

Товарищи! Было в древнія времена у всѣх народов рабство; было еще не так давно у нас крѣпостное право. Тогда люди раздѣлялись на свободных—господ и несвободных—рабов, крѣпостных. Господа владѣли рабами и крѣпостными, дѣлали над ними, что хотѣли. Времена тѣ прешли безвозвратно. В 1861 году было отмѣнено крѣпостное право. Но кое-что от него оставалось, и даже оставалось—таки немало: царское самодержавіе, власть полиціи, земских начальников и других важных чиновников над простым народом,—тоже, вѣдь, дѣлали почти все, что хотѣли; запрещеніе говорить и писать всю правду, собираться для общественных дѣл, бастовать для защиты своих общих интересов. Все это были остатки от крѣпостного права. Теперь и они рухнули—смела их наша молодая революція. Стали мы всѣ „свободными“. Так ли? Так, да не совсѣм. Много есть несвободы в нашей жизни, и еще какой несвободы!

Вот, сейчас война, скоро уже три года. Свободен ли солдат на фронтѣ? Смѣнно и спрашивать: похуже будет, пожалуй, крѣпостного права. Взяли человѣка от семьи, повели—не спрашивали, куда: сиди въ окопах,

да убивай таких же, как ты, крестьян, рабочих, пока самого не прикончит пуля или снаряд. Допустим даже, что все это необходимо—вопрос не в том; а ясно, что свободой этого никак назвать нельзя.

Ну, что же,—скажут нам,—это только временно.—Хорошо, временно. Однако, во-первых, кто убьет или искалечен,—а у нас таких уже 7—8 миллионов,—для того свобода потеряна не временно, а навсегда. Во-вторых, если я сижу дома, занимаюсь своими делами, а ко мне во всякое время могут неожиданно-негаданно прийти и сказать, что кто-то кому-то объявил войну, а потому пожалуйте временно в окопы,—то и вся моя домашняя свобода выходит какая-то плохая, словно не настоящая.

Кроме того, и в мирное время, возьмем ли крестьянина, возьмем ли рабочего: так ли уж велика их свобода?

Крестьяне тоже бывают разные: есть там и кулак, который наживается миродством, есть и хозяйственный мужик, который живет не плохо, а иногда не может обойтись рабочей силой семьи, принимает батрака. Но большинство, конечно, беднота. Иной бьется, как рыба об лед: лошаденка пшуренная, соха старинная, инструмент весь пообился, изба обветшала, всюду надо затыкать щели; работает по 17 часов в сутки: свободно он это делает, или нет? Или, напр., из-за податей совсему везет продавать зерно в город по дешевым ценам, а весной сам прикупает на хлеб, даже на смена, по дорогим: тоже свободно, по своей воле? Зависит судьба крестьянина от цен на хлеб; цены же не от него зависят, а от рынка. И еще подстерегает его кулак-

ростовщик, ловит минуту, чтобы закабалить процентами и выжать до капельки. Висит над крестьянским вѣчный страх разоренія: одного неурожая зачастую довольно, чтобы скосить его хозяйство; под этим страхом ступишь ли хоть один шаг свободно?

Если теперь и удастся крестьянам взять земли—помѣщичьи, удѣльные, монастырскія,—не надо думать, что от этого много измѣнится. Не очень-то велик, для столмилліоннаго крестьянства, тот запас удобных земель, который ему достанется, в нѣсколько раз меньше того, что уже есть. А сколько рабочей силы загубила война, сколько отняла скота, как перенортились, поизносились орудія! Слабѣе стали хозяйства; больше стало только денег—да онѣ бумажныя, мало в них толку. Бѣднота—бѣднотой и останется; в общем-то, пожалуй, еще хуже придется, чѣм прежде. А значит, и свободы с этой стороны вряд ли прибавится.

Больше ли ея у фабричнаго рабочаго? Работает он на капиталиста, чтобы тот получал прибыль. Свободно ли это дѣлает рабочій? Конечно, нѣтъ; иначе он предпочел бы работать в прибыль себѣ, а не другому. Извлекает из него капиталист прибыль, „эксплуатирует“ его; а если позволяют люди себя эксплуатировать, ясно, что нѣтъ для них настоящей свободы.

Но этого мало. Если иногда на время удастся рабочему избавиться от эксплуатаціи, так только для того, чтобы попасть в лапы безработицы. Не поладил рабочій с капиталистом, тот его увольняет: ступай на улицу. Тяжела у капиталиста работа, мала заработная плата; требуют рабочіе условій получше; капиталист не дает;

приходится устраивать стачку. Тысячи рабочих проживают послѣднія сбереженія, переносят голод, холод; это ли свобода? Хорошо, если капиталист уступит; но сила у него большая, и он может держаться долго.

Бывает и так, что пойдут дѣла капиталиста плохо, и он вынужден сократить свое предпріятіе, и выбросить на улицу сотни и тысячи рабочих, даже если бы сам не хотѣлъ этого. А во время кризисов, когда дѣла странно ухудшаются во всей промышленности, это принуждены дѣлать сотни капиталистов, и много предпріятій закрывается даже совѣмъ; тогда начинается страшная общая безработица; а тѣ, кто еще имѣет работу, должны соглашаться на пониженную плату, которую назначают капиталисты; и тут уж не помочь дѣлу никакимъ стачками. Как раз такой кризисе пришлось испытывать Россіи с конца 1899 г., и тянулся он долго, лѣтъ 10—12, с небольшим перерывом в японскую войну!—Но и без кризиса всегда может для многих рабочих любой почти профессіи наступить безработица, хотя бы из-за того, что изобрѣтена новая машина которая их замѣняет: машина должна служить помощью для рабочих, облегченіем их труда; а тут она становится для них проклятіем, принюсит им голод и лишенія и помогает капиталисту подчинить их своим требованіям.

Вообще, с какой стороны ни взять, отовсюду угрожает рабочему одно и то же—необезпеченность; нѣтъ такого дня в его жизни, когда он мог бы считать свое положеніе прочным и надежным. А при необезпеченности какая уж свобода: развѣ может рабочий дѣлать спокойно все, что он хочет, когда знает, что судьба его зависит

и от капиталиста, и от спроса на рынок на его труд, и от кризиса, и от машины, и от чего еще только. Это не свобода, а тяжелая зависимость; недаром некоторые ученые приглянут, что современный наемный труд есть смягченное рабство.

На фабрике рабочий действует не по своей воле и соображениям,—распоряжается капиталист и представленное им начальство. Значит, „свободным“ хоть сколько-нибудь рабочий себя чувствует только в остальное, нерабочее время, когда может и подучиться, и книжку почитать, и пообсудить дѣла с товарищами. Но много ли этого свободного времени? До сих пор у нас работали 10—12 часов в день. Теперь много говорят о 8-часовом рабочем днѣ. Хорошо бы, да только нѣтъ его на самом дѣлѣ. На оборону, на продовольствіе, на топливо, на перевозку,—почти что вездѣ работают сверхурочное время, в общем почти столько же, как и раньше. После войны думаютъ добиться 8 часов; да нелегко будетъ как хлынетъ народъ с фронта и получится безработица; тут капиталисты прижмутъ рабочих, и ни за что не захотятъ давать 8-часового дня; удастся ли у них вырвать—неизвѣстно.

Как мучитъ необезпеченность крестьянина и рабочего, как мучитъ она и мелкаго ремесленника или кустаря, живущаго продажей своихъ издѣлій: удастся ли продать, и за сколько, не от него вѣдь, зависитъ, а от спроса рынка. А на тот же рынокъ приходитъ капиталистъ: производитъ онъ съ помощью машины; и цѣны безъ убытка для себя можетъ сбить до того, что кустарю или ремесленнику с этими цѣнами жить нечѣмъ.

Но не только над бѣднотой висит эта необезпеченность. Даже капиталист, особенно средний и мелкій, и тот никогда не может поручиться за завтрашній день: упадут цѣны на его товар, вполонатася кредиторы, присутствіе всѣ сразу с ножом к горлу, не удастся добыть столько наличных денег, сколько им уплатить надо, и кончена его исторія: обанкротился.

Угнетает капиталистическое общество рабочаго, да и остальным классам не дает ни полной свободы, ни спокойнаго счастья; и этому не могут помѣшать даже свободные законы, они могут только облечить, а не уничтожить всеобщую зависимость. В чем же тут дѣло и как ему помочь, как добиться полной, настоящей свободы? Зависит свободный рабочій от капиталиста и от спроса на рабочую силу, а капиталисты и крестьяне и всѣ прочіе зависят от сбыта товаров; в этом и есть самая суть дѣла, эту зависимость и надо уничтожить. Но как уничтожить? И возможно ли это?

Было время, когда ни капиталистов, ни рынков не было; люди жили маленькими обществами — родами, по нѣсколько десятков, сотен человек. Каждый такой род представлял из себя просто громадное, разросшееся семейство, потомство одних и тѣх же прадѣдов. Всѣ члены этого семейства работали вмѣстѣ, сообща; добывали таким образом все необходимое для жизни и по-братски все дѣлили; ничего не продавали, не покупали, а жили тѣм, что сработали в общем трудѣ. Только жизнь эта была очень бѣдная, не было никаких хороших орудій и машин, да и откуда их взять, коли все самодѣльное; а плохими и жалкими орудіями немного сдѣлаешь, осо-

бенно если приходится нѣскольким десяткам человек исполнять чуть не сотни различных работ, приготовляя для себя все собственным трудом: и орудія, и оружіе, и пищу, и одежду, и дома, и украшенія. Не было ни господ, ни рабов, ни капиталистов, ни пролетаріев, а все же не было и свободы; какая тут свобода, когда все едва живы, все время выбиваются из сил, чтобы только прожить кое-как. Глупо было бы нынѣшним людям завидовать тогдашнему порядку.

Отчего же теперь, хоть и нѣтъ этого прежняго братства, а люди живут лучше, чѣм тогда? Оттого, что теперь не десятки и не сотни людей сообща трудятся, а миллионы людей друг для друга работают.—Как так? Развѣ по нынѣшним временам каждый не о себѣ только заботится? Заботится то о себѣ, а работает для других. Посмотрим, как это выходит.

Покупает рабочій на рынок ситец на рубашку, платит полтиппник. Полтиппник он своим трудом заработал, а ситцу ему ни за что бы самому не сдѣлать. Кто же дѣлает ситец? Другіе рабочіе. Какіе именно. А вот какіе. В Туркестанѣ или в Ост-Индіи, а то в далекой Америкѣ работают люди на хлопковых плантаціях, готовят хлопок. Везут этот хлопок другіе люди за тысячи верст на фабрики бумагопрядильныя, гдѣ из хлопка дѣлается пряжа, потом на бумаготкацкія, гдѣ пряжа превращается в ткань, потом на ситценечатныя, гдѣ ткань окрашивается узорами. И рабочіе всех этих фабрик таким образом участвуют в приготовленіи этого ситца, а также и тѣ, кто перевозит продукты с фабрики на фабрику и, наконец, на рынок. Работают люди на всех фабриках разными орудіями

ми и машинами; тѣ орудія и машины сдѣланы в разных мѣстах рабочими механических и машиностроительных заводов, и привезены еще другими рабочими на хлопчатобумажныя фабрики; ясно, что и эти все рабочіе приложили труд к выдѣлкѣ все того же ситца. И орудія и машины сдѣланы из желѣза и других металлов, при чем тратился также уголь, смазочное масло и другіе матеріалы. Желѣзо добыто из руды, которую выполняли одни рабочіе, а другіе подвергли выплавкѣ на чугунолитейных и желѣзо-дѣлательных заводах. Уголь добывался из шахты угольщиками, а смазочныя масла еще иными рабочими из нефти на нефтеперегонных заводах. Ясно, что и эти все вложили по частицѣ своего труда в производство все того же ситца. А желѣзные-то дороги и пароходы, на которых перевозились с мѣста на мѣсто и хлопок, и прижа, и желѣзо, и уголь, вѣдь и их надо было создать трудом — желѣзные дороги провести на тысячи верст, пароходы построить на верфях. И все, кто над этим трудился, помогли тѣм самым приготовить ситец, и хоть по маленькой частицѣ, а положили на него свой труд. Всѣх этих работников, сколько мы их перечислили, надо было кормить и одѣвать во время работы, без этого не было бы у них рабочей силы, не было и их работы. Значит, все, кто их кормил и одѣвал, также участвовали в выдѣлкѣ ситца, потому что без них ситца бы не получилось. Кто же их кормил и одѣвал? Крестьяне воздѣлывали хлѣб, кормили скот на мясо, огородники сажали овощи, другіе работники приготовляли ситцевыя и шерстяныя ткани, шили саногы и платье, третьи строили дома под квартиры рабочих, да и под

фабрики, на которых ведется работа. И все эти, очевидно, также необходимые участники в производствѣ все того же ситца. Разматривая это дѣло до конца, вы увидите, что ситец сдѣлан не одним и не нѣсколькими работниками, а в сущности всеѣм трудящимся обществом. И то же окажется вѣрно и для всякаго другого товара. Все трудящееся постоянно работает заодно и для всех; только хищники и паразиты не принимают участія в этом общем дѣлѣ, и даром пользуются его плодами.

Однако, хотя все сотни миллионов трудящагося народа работают заодно, но сами они этого не замѣчают, и притом, что еще важнѣе, не получают от этого ни обезпеченности, ни настоящаго благосостоянія. Отчего же все это так странно складывается? Есть тому важныя причины.

Нашъ рабочій купил ситец на рынкѣ, купил у торговца; и видѣлъ он там только ситец да торговца, и не мог, конечно, видѣть всего того, что мы сейчас разобрали. Не замѣтно на ситцѣ слѣдов от труда тѣх миллионов людей, которые участвовали всякими способами в его производствѣ; торговец же об этом трудѣ, конечно, даже не заикается, а говорит прямо: „ситец мой“, и не робит содрать за него с покупателя подороже; стало быть, рабочій должен принимать, что это так и есть, что ситец принадлежит торговцу; а, конечно, торговец о нем, рабочем, заботится меньше всего, и вовсе не заодно с ним трудится. В чем же, значит дѣло? В том, что товар принадлежит не тому, кто его произвел. Произвели ситец миллионы трудящагося люда, а вла-

дѣет им сначала один капиталист—фабрикантъ, потом другой капиталист—торговец; и от них-то получает его покупатель за деньги, а не от трудящагося общества за свой труд. Как же это случилось? А вот как.

Для того, чтобы заниматься производством, мало одних рук да доброй воли: нужны еще средства производства, т.-е., во-первых, орудія, машины, помещеніе; во-вторых, всякіе матеріалы для работы, в-третьих, средства к жизни для работника на все то время, пока он выполняет свое дѣло. Всего этого нѣтъ у работника: он пролетарій, т.-е. человекъ без собственности. Нѣтъ всего этого и у трудящагося общества—и у всехъ трудящихся вмѣстѣ: у миллионовъ работниковъ нѣтъ никакой общей собственности, в том числѣ нѣтъ и средствъ производства. У кого же все это имѣется? У отдельныхъ богатыхъ людей, называемыхъ капиталистами. У нихъ есть либо прямо эти средства производства, либо деньги, за которыя они легко могутъ все это купить у другихъ капиталистовъ.

Но откуда у капиталистовъ взялись средства производства? Разсказывать все это была бы очень долгая исторія; пришлось бы говорить о том, какъ в старыя времена знатные господа эксплуатировали рабовъ и крѣпостныхъ и составили богатства изъ ихъ дарового труда, какъ разные чиновники обирали народъ налогами и взятками, а ростовщики пили кровь изъ всехъ, кто понадалежъ в ихъ цѣлкія ланы; какъ племена завоевателей грабили всехъ, кого могли ограбить, а ловкіе торговцы надували невольжественныхъ дикарей, сбывали им ничтожныя украшения и бездѣлушки за золотой песок, драгоценныя

шкуры и другіе рѣдкіе товары. Все, что такими способами накоплялось, передавалось от одних другим то по наслѣдству, то посредством ростоупицества, а то и просто обмана; много крови и грязи пришлось бы увидѣть, если бы на каждом капиталѣ оставались слѣды его пропехожденія. Одно вѣрно: трудом составить капиталъ нельзя, а если бы и был такой необыкновенный человек, который сумѣлъ бы это, так уж его послѣдникам капитал достался бы без труда.

Стало быть, капитал, это не трудом приобрѣтенное богатство; но в наше время без капитала нѣтъ средств для труда. Капиталист нанимает рабочих, т.-е. дает им средства труда: заработную плату, чтобы жить за время работы, и всякія орудія и матеріалы, чтобы над ними работать; а за это он берет себѣ все, что работники произвели, и продает это, как свой товар на рынкѣ, чтобы получить прибыль и увеличить свой капитал. Таким образом, то, что произведено одними, оказывается собственностью других; и на этом построен весь нынѣшній общественный порядок. Ни на каком товарѣ не видно, кто над ним трудился; а продает его капиталист и говорит: „это мое“; оттого и не видит люди, что они трудятся заодно и общим трудом производят всѣ товары. Оттого же и не обезпечен любой человек в нынѣшнем обществѣ, потому что все, что ему надо, он получает не от общества, а от капиталистов, которые отдают товары только за деньги и только ради прибыли: значит, требуется имѣть для них достаточно денег, чтобы заплатить им прибыльную для них цѣну; а может ли оказываться всегда и у всякаго достаточно денег?

Правда, что как-будто не у одних капиталистов есть средства производства; есть они еще у ремесленников и крестьян, но тѣм от этого не лучше. Все равно, и крестьянин и ремесленник свои орудія и матеріалы получают не от общества, а на рынкѣ за деньги. Опять надо имѣть достаточно денег; а всегда ли это удается? Чтобы добыть их, должен крестьянин продать свой товар; но дадут ли ему на рынкѣ такую цѣну, какая для него требуется, чтобы жить сносно и работать без изнуренія? Это зависит не от него; и даже чаще всего выходит, что такой ему не дают. Приходится ему биться, как рыба об лед; какая уж тут обезпеченность! Его положеніе не лучше, чѣм положеніе наемнаго рабочаго, а зачастую гораздо хуже.

Как же измѣнить все это? Как достигнуть настоящей обезпеченности для всех, а с нею и настоящей свободы? потому что только при обезпеченности люди свободно развиваются, никому не отдавая свою свободу ни цѣликом, как рабы, ни отчасти, как рабочіе, ради средств к жизни. Путь один: надо чтобы то, что общественным трудом сдѣлано, обществу и принадлежало, чтобы рабочій получал средства к жизни и к труду не от капиталиста, а от общества; надо, слѣдовательно, чтобы все средства производства стали общественной собственностью. Это и есть ученіе социализма.

Вот что говорят социалисты. Мы не хотим, чтобы существовали одни, которые владѣют всем, хотя бы вовсе не трудились, и другіе, которые не владѣют ничѣм, как бы они ни трудились. Мы хотим, чтобы все общество состояло из товарищей, которые сообща трудятся и сообща всем владѣют. Все, что необходимо для производства: все

земля, всё орудія, машины, всё матеріалы труда, все это должно принадлежать въ вѣкъ, т.-е. обществу, а не отдѣльнымъ людям—капиталистамъ, которые пользуются этимъ для эксплуатаціи другихъ. Каждый долженъ быть трудящимся членомъ общества; никакихъ паразитовъ, живущихъ на счетъ чужого труда, не надо. Каждому человѣку общество должно давать средства къ жизни и къ труду, чтобы онъ могъ жить и развиваться, и трудиться, и наслаждаться жизнью. Отъ каждаго человѣка общество можетъ требовать столько труда, чтобы само общество могло такимъ образомъ существовать и развивать свои силы. И понятно, что обязанности труда при этомъ отъ каждаго потребуются гораздо меньше, чѣмъ требуютъ нынѣшніе капиталисты: больше не будетъ трудящихся, такъ какъ не будетъ ни паразитовъ, ни безработныхъ; не будетъ безцѣдныхъ затратъ на роскошь богатыхъ и знатныхъ; силы каждаго разовьются гораздо полнѣе, чѣмъ теперь, и труд каждаго будетъ гораздо усилѣннѣе, производительнѣе. Дѣйствуя дружно, общество, при своихъ громадныхъ силахъ, будетъ въ состояніи построить такія машины, о которыхъ теперь не могутъ мечтать и самые богатые капиталисты; да и вообще изобрѣтеніе и развитіе машинъ будетъ идти гораздо быстрѣе, чѣмъ теперь, потому что образованіе станетъ доступно всѣмъ, и всякій получитъ возможность научиться всему, чему пожелаетъ. Такимъ образомъ для общаго благосостоянія и развитія отъ каждаго потребуются не только меньше 10—11 часовъ, какъ въ большинствѣ случаевъ работаютъ у насъ на капиталистовъ, но и не 9 час., какъ обычно въ Америкѣ и въ Англіи, и даже не 8 час., какъ въ Австраліи и Новой Зеландіи, а часовъ, можетъ быть, вначалѣ 5—6, а потомъ все меньше и меньше. При этомъ об-

щество будет стараться о том, чтобы каждый получил себѣ работу по душѣ, насколько это возможно; а тогда и обязательная работа окажется все равно, что свободная. И понятно, что тогда человек будет чувствовать себя дѣйствительно свободным: сознавая, что тѣ часы, которые он отдает на обязательный труд, он отдает на пользу всего общества, которое само по-братски и по товарищески о нем заботится, он будет, кромѣ того, имѣть массу времени для своего развитія, для свободного труда и наслажденія жизнью; и не будет над ним начальства и господ, а только равные ему товарищи; потому что и тѣ, кого общество будет выбирать в распорядители для различных работ и вообще для хозяйства, даже тѣ не перестанут от этого быть равными остальным товарищам, исполняющим, как и они, свое дѣло. Тут не придется народу бороться с господами, пролетаріям с капиталистами: общество станет свободным товарищеским союзом для свободной жизни и развитія. Такова высшая цѣль, которую в наши дни ставит себѣ трудящееся и борющееся человечество, таков идеал человечества—с оці а л и с т и ч е с к і й идеал!

Но социализма нельзя добиться сразу. Чтобы исполнить это великое дѣло, социалистам надо имѣть двѣ вещи: во-первых, силу, чтобы отнять у капиталистов и землевладельцев все средства производства и передать их в общественную собственность, и во-вторых, умѣнье и опыт, чтобы сразу послѣ этого правильно и разумно устроить общественное производство, и с самого начала справедливо распределить продукты общаго труда. Откуда же взять эту силу и это умѣнье?

Сила получится тогда, когда весь трудящийся народ поймет, что ему надо, и дружно сплотится для борьбы против всех эксплуататоров и всякой эксплуатации. Первыми могут и должны понять это и сплотиться наемные рабочие—пролетарии: ведь они лучше всех других знают по опыту, что такое товарищеская поддержка в общем деле. А когда они объединятся и энергично поведут борьбу за социализм, то к ним вскоре присоединятся и наиболее передовые и сознательные ремесленники и крестьяне, понявшие все выгоды свободы и объединения всех, и трудящиеся образованные разночинцы „интеллигенты“, из которых уже теперь выходит не мало борцов за социализм. Союз всех этих сил, с пролетариями во главе, будет необходимым и сокрушит все препятствия.

А умение и опыт, чтобы устроить социалистическое общество? Это пролетарии приобретут в постоянной борьбе против капитала за улучшение своего положения. Пока нельзя советом уничтожить эксплуатацию, надо, насколько возможно, ослаблять и оттягивать ее, надо добиваться уступок от эксплуататоров, надо бороться за более сносные условия жизни, чтобы лучше накапливать силы. Для этого надо рабочим объединяться в союзы, стачками и всякими другими способами заставлять капиталистов улучшать условия найма, а правительства—издавать в пользу рабочих фабричные законы. В такой постоянной борьбе рабочие и сплотятся в громадную силу, и в то же время привыкнут и научатся правильно и разумно вести общее дело; тогда они и в состоянии будут, когда явится возможность, устроить общественное производство.

Этому дѣлу помогут даже капиталисты, хотя и против своей воли, конечно. У них идет жестокая конкуренція: каждый старается побить остальных и вытѣснить их с рынка. В этой конкуренціи болѣе сильные одолевают слабых и разоряют их, и захватывают себѣ их капиталы и их предпріятія. Так создаются громаднѣйшія предпріятія, о каких прежде никто и не мечтал; и предпріятій этих оказывается числом меньше, чѣм прежде. То же самое получается и тогда, когда капиталисты хотят избавиться от конкуренціи со всеѣм ея риском, и для этого соединяют вмѣстѣ свои капиталы: устраивают всякія товарищества на наях или акціях, а также громадныя союзы, чтобы со-обща вести производство и сбыт товаров. Каждое такое товарищество и каждый такой союз (синдикат) становится одним громадным предпріятіем; и опять предпріятій оказы-вается числом меньше, а размѣром крупнѣе. При этом выходит, что в предпріятіях рабочіе объединяются мас-сами все болѣе и болѣе: сотнями, тысячами, даже де-сятками тысяч. Это все болѣе приучает рабочих и чув-ствовать заодно, и дѣйствовать заодно, и вообще помогает им воспитываться и приготавливаться, и соединяться для общаго рабочаго дѣла. Тут легче становится рабочим приобрести для борьбы за социализм: и силу, и умѣнье. А к тому же уменьшается и другая трудность дѣла: предпріятій становится все меньше, а сами они величиной все болѣе; и трудящемуся народу, конечно, легче будет овладѣть не-большим числом громадных предпріятій, чѣм множеством мелких. Выходит, что даже и капиталисты, заботясь только об эксплуатаціи, о своих выгодах, готовят невольно социалистическій строй, который им, понятно, ненавистен.

У рабочих пролетаріев нѣтъ собственности, нѣтъ никаких средств производства; поэтому им нетрудно прийти к мысли об общественной собственности на средства производства, и нетрудно уразумѣть, насколько она лучше нынѣшней, частной собственности капиталистов; притом, они привыкли работать вмѣстѣ, большими массами, и все больше привыкают сообща, дружно вести борьбу против капитала; значит, им очень понятна задача устроить все производство по-товарищески, вести его общественным способом. Таким образом, для них борьба за социализм есть свое, близкое, классовое дѣло, они как говорятъ, социалисты по природѣ.

Не совсем так оно выходит для прочей бѣдности, деревенской и городской,—крестьян, ремесленников, кустарей: есть у них кое-какія свои средства производства, хоть небольшая и плохая, но частная собственность; да и меньше приучает их жизнь сообща вести дѣло. Однако, уже теперь понемногу растет между ними объединеніе. Как рабочіе объединяются в разные союзы, профессиональные, политическіе, просвѣтительные, кооперативные, так у крестьян развиваются товарищества потребительныя, товарищества для сбыта, производительныя, и прочія. И уже теперь наиболѣе передовые из крестьян примыкают к арміи борцов за социализм. А мало-по-малу и вся масса поймет на опытъ, как плохо жить под властью рынка, под засильем капитала, и насколько будет лучше товарищескій строй всей жизни—социализм. Тогда не на кого будет опереться капиталистам, и придется сдавать свою позицію.

Проклятая вещь война, но в этом принесет-таки пользу. Теперь всё видит, чего можно ожидать от капитализма. Боролись капиталы великих стран, германский с англо-французским, конкурировали за мировой рынок, чтобы захватить его долю побольше; не могли подѣлить миром,— и вот сколько миллионов погибло рабочих и крестьян, какое разореніе обрушилось на весь мір. И понятно, пока царствует капитал, война всегда остается возможна; только социализм—конец всем и всяким войнам.

В далекий путь идет человечество. Чтобы не сбиваться в стороны, не дѣлать лишних обходов, не тратить силы даром, надо ясно и хорошо знать, куда оно идет, и какая за какой станція.

Вот, сдѣлан у нас большой и важный шаг, надо только закрѣпить его прочно: свободный государственный строй, демократическая республика. Принесет он немало облегченія, но главнаго не даст: господства капитала не уничтожит. Но дорого то, что станет возможна свободная борьба за социализм.

А каждый шаг этой борьбы будет дѣлать жизнь человечества лучше, благороднѣе, свѣтлѣе.

Сказано, что всё люди равны... Вѣрно это в том смыслѣ, что права на жизнь всем должны быть одинаковыя, не должны одни господствовать, а другіе быть подвластными, на основаніи ли закона, в силу ли того, что одни богаты, другіе бѣдны. Демократическая республика создаст равенство перед законом, но еще не принесет равнаго права на жизнь и счастье: не освободит людей от богатства и бѣдности. Это сдѣлает только социализм.

Но всего больше не равны люди теперь по своему человеческому достоинству. Есть такіе, которые служат господству капитала и защищают его, мѣшая жизни идти вперед: это люди пережитаго проилаго, низшая часть человечества. Есть другіе, их больше всего, которые дѣлают свои личныя и семейныя дѣла, не заботясь об общем дѣлѣ, о великом будущем; это—средніе или обыватели, люди только настоящаго момента. И есть тѣ, которые работают для освобожденія всѣх от всякаго рабства, гнета и эксплуатаціи, для общаго счастья. Это—борцы за социализм, люди будущаго. Выше этого нѣтъ званія на землѣ.

Отдѣлъ Издательства и Книжнаго Склада Московского Совѣта Рабочихъ Депутатов.

Вышли изъ печати:

- № 1. ДАРИНСКІЙ, «О городском самоуправленіи». Ц. 15 к.
- № 2. В. ФРИЧЕ, «Об Учредительном Собраніи». Ц. 15 к.
- № 3. МАРТОВ, «Классъ противъ класса». Ц. 10 к.
- № 4. СЕРАФИМОВИЧЪ, «Какъ устроить Русскую Землю». Ц. 15 к.
- № 5. АНДРЕЕВЪ, «Какъ произошла в Россіи революція и въ чему она придетъ». Ц. 15 к.
- № 6. «Пѣсни Революціи». Ц. 15 к.
- № 7. ДИКИНШТЕЙНЪ, «Кто чѣмъ живетъ». Ц. 30 к.
- № 8. ЛУКИНЪ, «Милитаризмъ». Ц. 30 к.
- № 9. П. Б. «Почему всѣ трудящіеся должны быть социалистами». Ц. 15 к.
- № 10. БОГДАНОВЪ, «О социализмѣ». Ц. 25 к.
- № 14. СЕРАФИМОВИЧЪ, «Кому власть: царю или народу?». Ц. 25 к.

Печатаются:

- № 11. К. ЛЕВИНЪ, «Политическія партіи въ Россіи».
- № 12. С. ВОЛЬСКІЙ, «Мѣщанство и социализмъ».
- № 13. БОГДАНОВЪ, «Путь къ социализму».

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Москва, Тверская пл. д. гост. «Дрезденъ», комн. № 4. Тел. 3-98-86.